

RU

Переводные практики Ивана Бунина (рассказ «Волхвы»)

Богданова О. В., Лю Миньцзе

Аннотация. Статья посвящена анализу переводного рассказа Ивана Бунина «Волхвы» (1931), вошедшего в цикл «Провансальские пересказы». Цель исследования - осмыслить роль русского фольклора в формировании поэтического мира бунинского текста, созданного как перевод («пересказ») новеллы французского писателя Ф. Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904). Авторы работы выявляют основные мотивы, которые подвигли Бунина обратиться к инонациональному фольклору, к региональному эпосу Прованса, определяют скрытые интенции, двигавшие писателем при создании переводного текста. В частности, авторы обращают внимание на тенденцию «выпрямления» сюжетной канвы воспоминаний Ф. Мистрала, констатируют придание И. Буниным переводному тексту поэтической образности посредством мотивов и речестилевых формул русского фольклора. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проанализирован рассказ «Волхвы», который прежде не привлекал внимания критиков, и впервые интерпретированы стратегии «переводческой» деятельности Бунина. В результате доказано, что мотивом обращения И. Бунина к чужому для него фольклору юга Франции стал не смысловой пласт народных записей и воспоминаний Ф. Мистрала, а ностальгические чувства, которые будил в душе прозаика фольклор Прованса, способствовавший возрождению воспоминаний о рождественских празднествах покинутой России. Показано, что знание Буниным основ и принципов русского фольклора помогло писателю, с одной стороны, сохранить самобытность мистралевских воспоминаний, с другой - привнести в «чужой» переводной текст дополнительные ностальгические интенции, опосредованные приемами и принципами русского фольклора.

EN

Translation Practices of Ivan Bunin (the Short Story “The Magi”)

Bogdanova O. V., Liu Minjie

Abstract. The paper is devoted to the analysis of Ivan Bunin’s translated short story “The Magi” (1931), which was included in the cycle “Provençal Tales Retold”. The research aims to comprehend the role of Russian folklore in the formation of the poetic world of the Bunin text created as a translation (more precisely, a “retelling”) of a novella by the French writer Frederic Mistral (1830-1914), Nobel laureate (1904). The authors of the paper identify the main motives that prompted Bunin to turn to foreign folklore, to the regional epic of Provence, determine the hidden intentions that influenced the writer when creating the translated text. In particular, the authors pay attention to the tendency of “straightening” the plot outline of F. Mistral’s memoirs, state that I. Bunin gave the translated text poetic imagery through motifs and speech-stylistic formulas of Russian folklore. The study is novel in that it is the first to analyse the short story “The Magi”, which has not previously attracted critics’ attention, and to interpret the strategies of Bunin’s “translation” activities. As a result, it has been proved that the motive for Bunin’s turn to the folklore of southern France, which was foreign to him, was not the semantic layer of F. Mistral’s folk records and memoirs, but the nostalgic feelings that the folklore of Provence awakened in the prose writer’s soul, which conjured up the memories of the Christmas festivities of the abandoned Russia. It has been shown that Bunin’s knowledge of the basics and principles of Russian folklore helped the writer, on the one hand, to preserve the identity of Mistral’s memoirs, on the other hand, to bring additional nostalgic intentions mediated by the techniques and principles of Russian folklore into the “foreign” translated text.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления переводного рассказа И. Бунина «Волхвы», вошедшего в цикл «Провансальские пересказы» (1931) и созданного как перевод («пересказ») воспоминаний французского писателя Фредерика Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904),

поскольку сопоставительный анализ первоисточника и переводного произведения актуализирует новые смыслы текста, позволяет осознать причину обращения русского писателя-эмигранта к «чужому» для него фольклору юга Франции, показать особенности предпринятого «перевода».

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть структуру рассказа, отличную от претекста, выявить особенности персонажной системы рассказа и определить основные доминанты фольклорной праосновы текста; во-вторых, проследить приемы создания «переводной стилистики» рассказа и актуализировать влияние русского фольклора на западноевропейский образец; в-третьих, проследить скрытую модальную установку автора при создании «свободного» текста-пересказа.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия переводных рассказов И. Бунина и объяснить причины обращения художника к инациональному фольклору.

Материалом исследования послужили прозаическое творчество И. Бунина, цикл «Провансальские пересказы», в частности перевод рассказа Фредерика Мистрала «Волхвы» (Бунин И. А. Провансальские пересказы // Последние новости. 1931. № 3577. № 3749. № 3929. 7 января. 28 июня. 25 декабря; Бунин И. А. Волхвы // Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мир книги; Литература, 2005. Т. 2. 1920-1950), а также его первоисточник – воспоминания французского писателя (Mistral F. Mes origines. Mémoires et récits. P., 1929). К работе привлечены также материалы словаря по славянскому фольклору (Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4).

Теоретической базой работы послужили труды по истории русской литературы конца XIX – начала XX века и вопросам своеобразия «малой» прозы И. Бунина (Колобаева, 1990; Сливичкая, 2004; Марченко, 2010; Спивак, 2010; Строев, 2020; Богданова, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении истории русской литературы и прозаического наследия И. Бунина, в том числе его редко рассматриваемых переводных практик, а также включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX века в вузовском и школьном преподавании.

Основная часть

Рассказ «Волхвы» в структуре «Провансальских рассказов»

Рассказ Ивана Бунина «Волхвы» – не оригинальный рассказ прозаика, а перевод, вошедший в цикл «Провансальских пересказов» (1931) и выполненный в опоре на сборник воспоминаний и фольклорных записей Фредерика Мистрала (1830-1914), французского новеллиста, поэта, фольклориста, нобелевского лауреата 1904 года (Ястребова, 2014; Поэты – лауреаты..., 1997). Сборник Ф. Мистрала «Истоки моей жизни» (Mistral, 1929), состоявший из воспоминаний и прозаических рассказов, записанных в разные годы, очаровал 59-летнего русского писателя-эмигранта, заставил его вспомнить собственное детство, оставленную родину, предаться далеким воспоминаниям и подготовить цикл т. н. пересказов, которые появились в парижской газете «Последние новости». Цикл предпринятых Буниным переводов-пересказов включал в себя шесть рассказов – «Звезды», «Мэтр всех мэтров», «Тараскон», «Юный пилигрим», «Волхвы», «Святочный вечер» (Бунин, 1931; 2005).

Если пересказы «Юный пилигрим» и «Святочный вечер» представляли собой переработанные фольклорные записи, сделанные Ф. Мистралем в среде местного крестьянского населения юга Франции (Богданова, Лю, 2022; 2023) то «Волхвы» – это воспоминание, собственно мистралевский рассказ-история, возвращающий автора к дням его сказочного счастливого детства.

Рассказ Ф. Мистрала входит в третью главу воспоминаний (Mistral, 1929, p. 31-33), повествующих о жизни маленького провансальского городка и о детстве самого автора. Заглавие третьей главы книги Ф. Мистрала – «Волхвы» – стало названием и его рассказа о событиях в канун рождественских праздников. И. Бунин повторил название вслед за Ф. Мистралем и опубликовал «пересказ» в «Последних новостях» в день Рождества Христова 25 декабря 1931 года.

Структурные и сюжетные особенности пересказа «Волхвы»

Название «Волхвы» отражает главное событие, которое изображается в рассказе, – встречу детьми маленького провансальского городка мистических волхвов, которые должны зайти в местный церковный Вертеп и одарить новорожденного Христа обильными дарами.

По наблюдениям В. А. Дынник (1973), автора «Предисловия» к «Провансальским пересказам» И. Бунина, перевод «Волхвов» имеет, во-первых, «отдельные сокращения» и, во-вторых, обнаруживает «два очень значительных отступления от оригинала» (с. 108). Уже только эти замечания могут свидетельствовать о том, что Бунин не точно (буквально) переводит мистралевский текст, но творчески перерабатывает его, ведет особый, точнее свой собственный, рассказ о провансальских традициях и нравах.

И. Бунин (2005) отбирает из претекста Ф. Мистрала только те события, которые моделируют единый и цельный сюжет – повествование о том, как накануне Рождества родители провансальских детей отправляют их с подарками на дорогу, чтобы они радушно «встретили» сказочных волхвов.

«– Дети, – говорили нам матери в канун праздника Волхвов, – если вы хотите видеть их шествие к младенцу Иисусу, идите скорей им навстречу: уже вечереет. И несите им какие-нибудь дары...

<...>

Мы бежим в наших провансальских колпачках, в маленьких деревянных сабо, с бьющимся от радости сердцем, жадно глядя в даль, в нашем воображении уже полную дивных видений, прижимая к груди наши дары: лепешки (для самих Волхвов), сушеные фиги (для их слуг и рабов), пучки сена (для их верблюдов)...» (с. 434).

Однако, в отличие от первоисточника, И. Бунин не просто передает взволнованный рассказ героя Ф. Мистралья (alter ego автора), но заключает его историю в образно-поэтическую *раму*. Композиционный рисунок рассказа трансформируется: линейное построение текста Мистралья обретает кольцеобразную форму, замыкая воспоминание юного персонажа бунинскими поэтическими вставками, опозитивированными зачином и финалом.

Зачин рассказа И. Бунин окрашивает известной библейской цитатой из Евангелия от Матфея, соответствующей появлению в Священной книге образа волхвов:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском, во дни царя Ирода пришли в Иерусалим Волхвы с Востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду его на Востоке и пришли поклониться ему...» (Мтф. 2: 1-2).

Следом появляется еще одна вставка, уже более прозаическая, но сюжетно необходимая И. Бунину (2005) – пояснение от «переводчика» тех обстоятельств, которые и составляют сердцевину рассказа:

«Старый провансальский поэт рассказывает, как они, детьми, встречали Волхвов на зимней, пустынной Арльской дороге.

Он рассказывает приблизительно так...» (с. 433).

И только вслед за этими «вставками» в бунинском «пересказе» появляется собственно мистралевский текст-перевод (Бунин, 2005, с. 434-435), повествующий о волнении героев-детей, об их желании добежать до того поворота дороги, где они непременно встретят сказочных волхвов.

Хорошо знавший русский фольклор и законы моделирования художественного текста И. Бунин не использует весь рассказ-историю мистралевского героя, но ограничивается только отдельными его эпизодами. Для структурной организации отобранного материала писатель обращается к опыту русского фольклора: Бунин использует традиционную сказочно-былинную троекратность, ставя юных героев Прованса в ситуацию, где они трижды остановлены на их пути и трижды опрошены встречными людьми (Славянские древности, 2009).

В первый раз герой-вопроситель («Дети, куда это вы так спешите?») (Бунин, 2005, с. 434) не субъективирован, не наделен какими-либо чертами и внешними визуальными признаками. Первый вопрос звучит как будто бы от имени *всех* (безымянных) встречных прохожих.

Во второй раз тот же вопрос («Куда это вы, дети, так поздно?») (Бунин, 2005, с. 434) звучит уже как будто бы из уст «какой-нибудь бедной вдовы с вязанкой сухого хвороста на голове» или какого-нибудь «старика в лохмотьях, который шарит под колючим кустом: не попадется ли улитка?» (Бунин, 2005, с. 434). Герои как будто бы названы, даже сдержанно (почти графично) контурированы, однако они *какие-нибудь*, то есть не известные детям, почти случайные люди.

Наконец, в третий раз детей окликает пастух: «...порой встречался какой-нибудь запоздалый пастух, который, завернувшись в свой истрепанный плащ, гнал домой свою отару» (Бунин, 2005, с. 434). Образ пастуха уже картинный, зримый, почти пасторальный, рядом с ним «его отара».

Теперь уже (после троекратного повторения) одиночный вопрос перерастает в диалог:

«– Дети, куда это вы в такую пору?»

– Навстречу Волхвам... Не можете ли сказать, они еще далеко?»

– Навстречу Волхвам? Ах да, правда, правда, нынче ведь канун их праздника... Они уже близко, вы их вот-вот встретите...» (Бунин, 2005, с. 434).

Согласно законам новеллистического текста (а рассказы Ф. Мистралья нередко называются новеллами), И. Бунин выстраивает трехступенчатую лесенку, по которой движется сюжет его повествования: от *всех* – к различимым, но ординарно типичным *старика* или *старухе* – и, наконец, к фигуративно-картинному *пастуху* с его *отарой*.

Общее сменяется *типичным*, типичное – *частным*. В динамике этой нестрогой «индивидуализации» хронотоп рассказа становится все более конкретным, воспринимается предметнее и осязательнее. Время приближается к рассказчику, пространство наполняется различимо-узнаваемыми предметами и деталями.

Мистика и реальность в рассказе И. Бунина

Апофеозом стремительного бега героев-детей навстречу чудесам становится видение Волхвов:

«Солнце, преследуемое зимними облаками, спускается все ниже и ниже. Мы смолкаем, нам уже немножко жутко. Ветер еще резче дует навстречу, мы бежим уже не так резво... И вдруг:

– Вот они!

Из груди у нас всегда вырывался в этот миг безумно-радостный крик – и дивное, царственное великолепие ослепляло наши глаза: блеском, торжеством роскошнейших красок вдруг загорался запад. Там полосами пылал пурпур, золотом и рубином горел солнечный венец, раскидавший в зенит неба свои длинные зубцы-лучи...

– Волхвы! Волхвы! Видите венец, корону? Вон мантии, знамена! Вон кони и верблюды!» (Бунин, 2005, с. 434).

Очевидно, что И. Бунин (2005) (вслед за Ф. Мистралем) природный пейзаж, живописную картину заходящего за горы солнца представляет (поэтизирует) в виде волшебного видения. И герои-дети, готовые верить чуду, искренне и доверчиво воспринимают чудесное видение: «И мы замирали в изумленье, в восторге...» (с. 434).

Бунинское чудо мгновенно, оттого еще более прекрасно. Писатель не дает авторского комментария, не поясняет ситуацию, но передает эмоции героев-детей, заставляя включиться в их сферу и читателя:

«Но не проходило и минуты, как все это великолепие, вся эта слава и роскошь гасли, исчезали, и мы снова, в большом разочаровании, оказывались одни, в сумерках, в поле.

– Где же они, где?

– Прошли за горами!» (Бунин, 2005, с. 434).

Вера героев-детей не поколеблена – героям хочется верить, что волхвы «прошли за горами».

Если дорога героев туда, к волхвам, была дорогой долгой, длинной, поэтной – как в сказке, троичной, то обратный путь (опять же как в сказке) мгновенен и быстр. Как известно, возвращение героев домой происходит в сказках одномоментно. Так выстраивает «обратный путь» и И. Бунин (2005).

«– Ну, что же, видели Волхвов? – спрашивали нас дома.

– Нет... Они прошли далеко, за горами.

– А вы шли по какой дороге?

– По дороге в Арлатан.

– Ах, дурачки, дурачки! Там Волхвов никогда не встретишь, нужно было идти по старой Римской дороге... А если бы вы знали, что это за красота, когда они входят в Майан! Трубы, барабаны, слуги, рабы, верблюды... Теперь они уже в церкви, в Вертепе, поклоняются младенцу Иисусу. После ужина бегите скорей в церковь...» (с. 434-435).

Взрослые герои Мистрала – Бунина не разуверяют персонажей-детей в увиденном чуде, наоборот, сохраняют их веру в чудеса, заботливо охраняют их детские чувства и воображение.

Развитие сюжета связано у И. Бунина с «уточнением» локуса. На следующем этапе развития повествования сказочная реальность смыкается с действительностью (городка): волхвы «уже в церкви», в местной церкви. Потому, когда «наспех поужинавшие» дети вбегают в церковь, волшебные волхвы уже стоят вокруг яслей, превратившись в персонажей рождественского вертепа. Чудо свершилось, и дети-герои стали участниками этого волшебного преобразования. Границы между реальностью и вымыслом стираются, сказка и вера сливаются в единую сущность церковной вертепной презентации.

Если в рассказе-повествовании Ф. Мистрала действие движется событиями извилистой памяти героя-автора, то И. Бунин избирает иную стратегию. Во-первых, Бунин «выпрямляет» внутреннюю фабульную линию (подсюжет рассказа автора-героя), во-вторых, придает изображаемым событиям сказочную поэтичность.

Начав «рождественскую мистерию» с библейской цитаты, И. Бунин (2005) завершает повествование введением в текст «величавого рождественского гимна»:

«Нынче, в утренний час,

Встретил я на большой дороге

Караван трех великих Волхвов...» (с. 435).

Рассказ-воспоминание Ф. Мистрала, в котором рождественская песня была одним из «проходящих» эпизодов воспоминания, преобразуется, занимает т. н. сильную позицию (финал). С одной стороны, рассказанная история Мистрала утрачивает часть бытовых реалий, памятных французскому писателю, но, с другой стороны, взамен вроде бы «выпрямленный» перевод-пересказ Бунина обретает поэтическое наполнение: на зачинном этапе поэтическая нота актуализируется цитатой из Евангелия, обещающей чудесные истории Рождества Христова, на завершающем этапе строки известного рождественского гимнического песнопения звучат фанфарически, они будто бы слышны в эти святые дни на всех улицах и во всех домах.

В рассказе «Волхвы» Иван Бунин отталкивается не от фольклорного текста, но от личных воспоминаний героя (автора) Фредерика Мистрала, однако тактика реализации мистралевского мемуара напрямую связана с устным народным поэтическим творчеством. Воспоминания о прошлом Мистрала, родственные бунинским воспоминаниям о чудесных рождественских вечерах в его родном доме на Орловщине, пробуждали в Буinine сказочно-мистические образы, порождали отсветы впечатлений его собственного детства и получали в его рассказе намеренную фольклористическую окраску. Образы, мотивы, структура рассказа-пересказа Бунина опосредованы знаниями писателя традиционного русского фольклора, его законов и принципов. Именно фольклор становится важнейшей поэтической субстанцией, которая обеспечивает цельность и выразительность рассказа Бунина.

Заключение

Таким образом, можно подвести итог и заключить, что русский фольклор, кажется, не присутствующий в тексте переводных рассказов И. Бунина, на самом деле помогал писателю в «свободном» переводе французского (провансальского) фольклора и способствовал созданию не собственно перевода, а пересказа, даже не пересказа, а пересозданного и перевоплощенного нового текста, близкого сердцу писателя-эмигранта и его слушателей и читателей. *Отсутствие* фольклора в тексте переводного рассказа Бунина компенсируется его затекстовым *присутствием*: русский фольклор обеспечивает поэтическую основу осуществляемого писателем

перевода, придавая ему живость и убедительность, гарантируя доверие к нему и очарование им. Русские читатели – эмигранты, без сомнения, находили в переведенном тексте Ф. Мистралья отражение собственных впечатлений, теплых воспоминаний о родном крае.

Говоря о перспективе исследования, можно заметить, что в дальнейшем было бы важно провести более детальный текстуальный анализ новеллы Ф. Мистралья и ее «вольного» перевода-пересказа, осуществленного И. Буниным, и на этом материале еще более глубоко проследить способы воздействия русского фольклора на «переводной» текст Бунина.

Источники | References

1. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.
2. Богданова О. В., Лю М. Ностальгический подтекст рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1.
3. Богданова О. В., Лю М. Синтетическая матрица переводного рассказа И. Бунина «Юный пилигрим» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12.
4. Дынник В. А. Предисловие к «Провансальским пересказам» Бунина // Литературное наследство / Академия наук СССР, Ин-т литературы, Пушкинский дом. М., 1973. Вып. 1.
5. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1990.
6. Марченко Т. В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья. М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2010.
7. Поэты - лауреаты Нобелевской премии / ред.-сост. О. Жданко. М.: Панорама, 1997.
8. Сливцкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Изд-во РГГУ, 2004.
9. Спивак Р. С. Энергожизнь рассказа И. Бунина «Темные аллеи» // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 4 (10).
10. Строев А. Ф. К вопросу о восприятии И. А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. № 2 (16).
11. Ястребова Ю. В. Фредерик Мистраль. 100 лет признания // Древняя и новая Романия. 2014. Вып. 14.

Информация об авторах | Author information

RU Богданова Ольга Владимировна¹, д. филол. н., проф.
Лю Миньцзе²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

EN Bogdanova Olga Vladimirovna¹, Dr
Liu Minjie²

¹ A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

² Far Eastern Federal University, Vladivostok

¹ olgabogdanova03@mail.ru, ² 1048795611@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.02.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): И. Бунин; рассказ «Волхвы»; цикл «Провансальские пересказы»; система героев; композиция; фольклор; I. Bunin; short story “The Magi”; cycle “Provençal Tales Retold”; character system; composition; folklore.